

ПРЕДИСЛОВИЕ

В апреле 1840 года я выпустил в свет первый номер нового еженедельника, ценой в три пенса, под названием «Часы мистера Хамфри». Предполагалось, что в этом еженедельнике будут печататься не только рассказы, очерки, эссе, но и большой роман с продолжением, которое должно следовать не из номера в номер, а так, как это представится возможным и нужным для задуманного мною издания.

Первая глава этого романа появилась в четвертом выпуске «Часов мистера Хамфри», когда я уже убедился в том, насколько неуместна такая беспорядочность в повременной печати, и когда читатели, как мне казалось, полностью разделили мое мнение. Я приступил к работе над большим романом с великим удовольствием и полагаю, что с не меньшим удовольствием его приняли и читатели. Будучи связан ранее взятыми на себя обязательствами, отрывающими меня от этой работы, я постарался как можно скорее избавиться от всяческих помех и, достигнув этого, с тех пор до окончания «Лавки древностей» помещал ее главу за главой в каждом очередном выпуске.

Когда роман был закончен, я решил освободить его от не имеющих к нему никакого касательства ассоциаций и промежуточного материала и изъять те страницы «Часов мистера Хамфри», которые печатались вперемежку с ним. И вот, подобно неоконченному рассказу о ненастной ночи и нотариусе в «Сентиментальном путешествии», они перешли в собственность

чемоданщика и маслодела. Признаюсь, мне очень не хотелось снабжать представителей этих почтенных ремесел начальными страницами оставленного мною замысла, где мистер Хамфри описывает самого себя и свой образ жизни. Сейчас я притворяюсь, будто вспоминаю об этом с философским спокойствием, как о событиях давно минувших, но тем не менее перо мое чуть заметно дрожит, выводя эти слова на бумаге. Впрочем, дело сделано, и сделано правильно, и «Часы мистера Хамфри» в первоначальном их виде, стигнув с белого света, стали одной из тех книг, которым цены нет, потому что их не прочитаешь ни за какие деньги, чего, как известно, нельзя сказать о других книгах.

Что касается самого романа, то я не собираюсь распространяться о нем здесь. Множество друзей, которых он подарил мне, множество сердец, которые он ко мне привлек, когда они были полны глубоко личного горя, придают ему ценность в моих глазах, далекую от общего значения и уходящую корнями «в иные пределы».

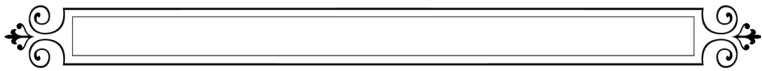
Скажу здесь только, что, работая над «Лавкой древностей», я все время старался окружить одинокую девочку странными, гротескными, но все же правдоподобными фигурами и собирал вокруг невинного личика, вокруг чистых помыслов маленькой Нелл галерею персонажей столь же причудливых и столь же несовместимых с ней, как те мрачные предметы, которые толпятся у ее постели, когда будущее ее лишь намечается.

Мистер Хамфри (до того, как он посвятил себя ремеслу чемоданщика и маслодела) должен был стать рассказчиком этой истории. Но поскольку я с самого начала задумал роман так, чтобы впоследствии выпустить его отдельной книжкой, кончина мистера Хамфри не потребовала никаких изменений.

В связи с «маленькой Нелл» у меня есть одно грустное, но вызывающее во мне чувство гордости воспоминание. Странствования ее еще не подошли к концу, когда в одном литературном журнале появилось эссе, главной темой которого была она, и в нем так вдумчиво, так красноречиво,

с такой нежностью говорилось о ней самой и о ее призрачных спутниках, что с моей стороны было бы полной бесчувственностью, если бы при чтении его я не испытал радости и какой-то особой бодрости духа. Долгие годы спустя, познакомившись с Томасом Гудом и видя, как болезнь медленно сводит его, полного мужества, в могилу, я узнал, что он-то и был автором того эссе.

ГЛАВА I

Хоть я и старик, мне приятнее всего гулять поздним вечером. Летом в деревне я часто выхожу спозаранку и часами брожу по полям и проселочным дорогам или исчезаю из дому сразу на несколько дней, а то и недель; но в городе мне почти не случается бывать на улице раньше наступления темноты, хоть я, благодаренье богу, как и всякое живое существо, люблю солнце и не могу не чувствовать, сколько радости оно проливает на землю.

Я пристрастился к этим поздним прогулкам как-то незаметно для самого себя — отчасти из-за своего телесного недостатка, а отчасти потому, что темнота больше располагает к размышлениям о нравах и делах тех, кого встречаешь на улицах. Ослепительный блеск и сутолока полдня не способствуют такому бесцельному занятию. Беглый взгляд на лицо, промелькнувшее в свете уличного фонаря или перед окном лавки, подчас открывает мне больше, чем встреча днем, а к тому же, говоря по правде, ночь в этом смысле добрее дня, которому свойственно грубо и без всякого сожаления разрушать наши едва возникшие иллюзии.

Вечное хождение взад и вперед, неугомонный шум, не стихающее ни на минуту шарканье подошв, способное сгладить и отшлифовать самый неровный булыжник, — как терпят все это обитатели узких улочек? Представьте больного, который лежит у себя дома где-нибудь в приходе Св. Мартина и, изнемогая от страданий, все же невольно (словно выполняя заданный урок)

старается отличить по звуку шаги ребенка от шагов взрослого, жалкие опорки нищенки от сапожек щеголя, бесцельное шата-нье с угла на угол от деловой походки, вялое ковылянье бродяги от бойкой поступи искателя приключений. Представьте себе гул и грохот, которые режут его слух, — непрерывный поток жизни, катящийся волну за волной сквозь его тревожные сны, словно он осужден из века в век лежать на шумном кладбище — лежать мертвым, но слышать все это без всякой надежды на покой.

А сколько пешеходов тянется в обе стороны по мостам — во всяком случае, по тем, где не взимают сборов! Остановливаясь погожим вечером у парапета, одни из них рассеянно смотрят на воду с неясной мыслью, что далеко-далеко отсюда эта река течет между зелеными берегами, мало-помалу разливаясь вширь, и наконец впадает в необъятное, безбрежное море; другие, сняв с плеч тяжелую ношу, глядят вниз и думают: какое счастье провести всю жизнь на ленивой, неповоротливой барже, посасывая трубочку да подремывая на брезенте, прокаленном горячими лучами солнца; а третьи — те, кто во многом отличен и от первых и от вторых, те, кто несет на плечах ношу, несравненно более тяжкую, — вспоминают, как давным-давно им приходилось то ли слышать, то ли читать, что из всех способов самоубийства самый простой и легкий — броситься в воду.

А Ковент-Гарденский рынок на рассвете, весенней или летней порой, когда сладостное благоухание цветов заглушает еще не рассеявшийся смрад ночной гульбы и сводит с ума захиревшего дрозда, который провел всю ночь в клетке, вывешенной за чердачное окошко! Бедняга! Он один здесь сродни тем маленьким пленникам, что либо валяются на земле, увянув от горячих рук захмелевших покупателей, либо, сомлев в тугих букетах, ждут часа, когда брызги воды освежат их в угоду тем, кто потрезвее, или на радость старичкам конторщикам, которые, спеша на работу, станут с удивлением ловить себя на невесть отсюда взявшихся воспоминаниях о лесах и полях.

Но я не буду больше распространяться о своих странствованиях. Передо мной стоит другая цель. Мне хочется рассказать о случае, отметившем одну из моих прогулок, описание кото-рых я и предпосылаю этой повести вместо предисловия.

Однажды вечером я забрел в Сити и, по своему обыкновению, шел медленно, размышляя о том о сем, как вдруг меня остановил чей-то тихий, приятный голос. Я не сразу уловил смысл вопроса, обращенного явно ко мне, и, быстро оглянувшись, увидел рядом с собой хорошенькую девочку, которая спрашивала, как ей пройти на такую-то улицу, находившуюся, кстати сказать, совсем в другой части города.

— Это очень далеко отсюда, дитя мое, — ответил я.

— Да, сэ, — робко сказала она. — Я знаю, что далеко, я пришла оттуда.

— Одна? — удивился я.

— Это не беда, что одна. Вот только я сбилась с дороги и боюсь, как бы совсем не заплутаться.

— Почему же ты спросила меня? А вдруг я пошлю тебя не туда, куда нужно?

— Нет! Этого не может быть! — воскликнула девочка. — Вы ведь старенький и сами ходите медленно.

Не берусь вам передать, как поразили меня эти слова, сказанные с такой силой убеждения, что у девочки даже выступили слезы на глазах и все ее хрупкое тельце затрепетало.

— Пойдем, я провожу тебя, — сказал я.

Девочка протянула мне руку смело, точно знала меня с колыбели, и мы медленно двинулись дальше. Она старательно принаравливалась к моим шагам, как будто считая, что это ей надо вести и охранять меня, а не наоборот. Я то и дело ловил на себе взгляды моей спутницы, видимо старавшейся угадать, не обманывают ли ее, и замечал, как взгляды эти раз от разу становятся все доверчивее и доверчивее.

Трудно было и мне не заинтересоваться этим ребенком — именно ребенком! — хотя ее столь юный вид объяснялся скорее маленьким ростом и хрупкостью фигурки. Одета она была, пожалуй, чересчур легко, но очень опрятно, и ничто в ее облике не говорило о нищете или заброшенности.

— Кто же тебя послал так далеко, да еще одну? — спросил я.

— Тот, кто очень любит меня, сэ.

— А по какому делу?

— Этого я не могу вам сказать, — твердо ответила девочка.

Получив такой ответ, я с невольным удивлением посмотрел на нее. Что же это за поручение, если исполнительницу его заранее подготовили к вопросам? Быстрые детские глаза сразу же прочли мои мысли, и, посмотрев мне в лицо, девочка добавила, что ничего дурного тут нет, но только это большая тайна — тайна даже для нее.

В словах девочки не чувствовалось намерения схитрить или провести меня; они прозвучали с простодушной откровенностью, не оставлявшей сомнений в их правдивости. Мы шли всё так же рядом; мало-помалу она свыклась со мной и начала весело болтать, но о своих домашних делах не обмолвилась больше ни словом, спросив только, короче ли эта новая дорога, которой я ее веду.

Я перебирал в уме сотни различных объяснений этой загадки и отбрасывал их одно за другим. Совесть не позволяла мне воспользоваться простодушием и признательностью ребенка. Я люблю детей, и если они, так недавно оставившие божью обитель, отвечают нам тем же, их любовью шутить нельзя. Меня так обрадовало доверие этой девочки, что я решил заслужить его и не обманывать детского чувства, правильно подсказавшего ей, на кого она может положиться.

Но почему бы мне не повидать человека, который столь легкомысленно послал ребенка в такую даль, поздно вечером, без провожатых? А что, если вблизи дома она простится со мной? Предвидя это, я выбирал окольные пути, так что девочка узнала свою улицу лишь тогда, когда мы вышли на нее. Радостно хлопав в ладоши и побежав вперед, моя новая знакомая остановилась у маленького домика, дождалась меня на ступеньках и постучалась в дверь.

Часть этой двери была застекленная, без ставней, но я этого сначала не заметил, так как за ней стояли тьма и полная тишина, к тому же мне (не меньше, чем девочке) хотелось поскорее услышать ответ на наш стук. Она постучала второй, третий раз, и только тогда в доме послышалось какое-то движение, а еще через минуту за стеклом блеснул слабый огонек, при свете которого я увидел и комнату и человека, медленно пробиравшегося к нам среди беспорядочно нагроможденных вещей.

Это был невысокий старик с длинными седыми волосами, лицо и фигуру которого ясно освещала свеча, так как он держал ее над головой и смотрел прямо вперед. Старость давно наложила на него свою печать, и все же мне показалось, будто в этом высохшем, тщедушном теле есть что-то общее с хрупкой фигуркой моей маленькой спутницы. Глаза — голубые у обоих — были бесспорно похожи, но лицо старика бороздили такие глубокие морщины и оно носило следы таких тяжких забот, что на этом сходство кончалось.

Комната, по которой он не спеша пробирался, представляла собой одно из тех хранилищ всяческого любопытного и редкостного добра, какие еще во множестве таятся по темным закоулкам Лондона, ревниво и недоверчиво скрывая свои пыльные сокровища от посторонних глаз. Здесь были рыцарские доспехи, маячившие в темноте, словно одетые в латы привидения; причудливые резные изделия, попавшие сюда из монастырей; ржавое оружие всех видов; уродцы — фарфоровые, деревянные, слоновой кости, чугунного литья; гобелены и мебель таких странных узоров и линий, какие можно придумать только во сне.

Бледный как тень старик удивительно подходил ко всей этой обстановке. Может быть, он сам и рыскал по старым церквям, склепам, опустевшим домам и собственными руками собирал все эти редкости. Здесь не было ни единой вещи, которая не казалась бы под стать ему, ни единой вещи, которая была бы более древней и ветхой, чем он.

Повернув ключ в замке, старик посмотрел на меня с недоумением, и оно ничуть не уменьшилось, когда его взгляд упал на мою спутницу. А она сразу же, с порога, стала рассказывать ему о нашем знакомстве, называя его дедушкой.

— Голубка моя! — воскликнул старик, глядя ее по голове. — Как же это ты заплуталась? Что, если бы я потерял мою маленькую Нелл!

— Не бойся, дедушка! — уверенно сказала она. — К тебе я всегда найду дорогу.

Старик поцеловал ее, потом повернулся ко мне и пригласил меня зайти в дом, что я и сделал. Дверь снова была заперта на

ключ. Идя впереди со свечой, он провел меня через то хранилище разных вещей, которое я видел с улицы, в небольшую жилую комнату с дверью, открытой в соседнюю каморку, где стояла кровать под стать только фее — такая она была маленькая и нарядная. Девочка зажгла вторую свечу и упорхнула к себе, оставив меня наедине со стариком.

— Вы, должно быть, устали, сэ, — сказал он, пододвигая к камину стул. — Не знаю, как мне благодарить вас.

— В следующий раз проявите больше заботы о своей внучке. Иной благодарности мне не нужно, друг мой! — ответил я.

— Больше заботы? — дребезжащим голосом воскликнул он. — Больше заботы о Нелли! Да можно ли любить ребенка сильнее!

Это было сказано с таким неподдельным изумлением, что я растерялся; к тому же немощность и блуждающий, отсутствующий взгляд сочетались у моего собеседника с глубокой, тревожной задумчивостью, которая сквозила в каждой черте его лица, убеждая меня в том, что старик вовсе не выжил из ума и не впал в детство, как мне показалось сначала.

— По-моему, вы мало думаете... — начал я.

— Мало думаю о ней! — перебил он меня на полуслове. — Мало думаю! Как вы далеки от истины! Нелли, маленькая моя Нелли!

Кому другому удалось бы выразить свои чувства с такой силой, с какой выразил их этими четырьмя словами старый антиквар! Я ждал, что последует дальше, но он подпер рукой подбородок и, покачав головой, уставился на огонь.

Мы сидели в полном молчании, как вдруг дверь каморки отворилась, и девочка, с распущенными по плечам светло-каштановыми волосами, раздурмянившаяся от спешки, — так ей хотелось поскорее вернуться к нам, — вошла в комнату. Она сейчас же принялась собирать ужин, а старик тем временем стал приглядываться ко мне еще внимательнее. Меня очень удивило, что девочке приходится все делать самой, — по-видимому, кроме нас, в доме никого не было. Улучив минуту, когда она вышла, я рискнул заговорить об этом со старым антикваром,

но он ответил, что и среди взрослых людей мало найдется таких разумных и заботливых, как его внучка.

— Мне всегда больно смотреть, — взволнованно начал я, усмотрев в его ответе всего лишь эгоизм, — мне больно смотреть на детей, которым приходится сталкиваться с трудностями жизни чуть ли не в младенчестве. Это убивает в них доверчивость и душевную простоту — лучшее, что им даровано богом. Зачем заставлять ребенка делить с нами наши тяготы, когда он еще не может вкусить радостей, доступных взрослому человеку?

— Ее доверчивости и душевной простоты ничто не убьет, — сказал старик, твердо глядя мне в глаза. — В ней это заложено слишком глубоко. А кроме того, у детей бедняков так мало радостей в жизни. За каждое, даже скромное удовольствие надо платить.

— Но... простите меня за смелость... вы, наверно, не так уж бедны, — сказал я.

— Это не мой ребенок, сэр, — возразил старик. — Ее мать была моей дочерью, и она терпела нужду. Мне ничего не удастся откладывать... ни одного пенни, хотя вы сами видите, как я живу. Но... — Тут он тронул меня за плечо и, нагнувшись, зашептал: — Придет время, и она разбогатеет, она будет важной леди. Не осуждайте меня, что я обременяю Нелл хлопотами по дому. Это доставляет ей радость, и она не перенесла бы, если бы я поручил кому-то другому ту работу, с которой могут справиться ее маленькие ручки. Вы говорите, я мало думаю о своей малютке! — воскликнул он в сердцах. — Но Господь знает, что у меня нет другой заботы в жизни, — все мои помыслы только о ней! Знает, а удачи мне не шлет... не шлет!

В эту минуту та, о ком шла речь, снова появилась в комнате, и старик, сразу замолчав, знаком пригласил меня к столу.

Только мы принялись за трапезу, как в дверь постучали, и Нелл с веселым смехом, от которого у меня сразу потеплело на сердце, — столько в нем было детской беззаботности, — сказала, что это, наверно, прибежал добрый Кит.

— Вот баловница! — Старик ласково погладил ее по волосам. — Вечно она подтрунивает над бедным Китом.

Девочка рассмеялась еще веселее, и, глядя на нее, я сам не мог удержаться от улыбки. Старик же взял свечу, пошел отпереть дверь и вскоре вернулся в сопровождении Кита.

Кит оказался кудлатым, нескладным подростком с огромным ртом, очень красными щеками, вздернутым носом и невероятно комичным выражением лица. При виде чужого человека он замер на пороге, неловко переминаясь с ноги на ногу, уморительно тараща на нас глаза и теребя в руках совершенно круглую шляпу без всякого признака поля. Я с первого взгляда проникся благодарностью к этому мальчику, почувствовав, что он единственный вносит веселье в жизнь маленькой Нелл.

— Далеко я тебя посылал, Кит? — спросил старик.

— Да признаться, хозяин, путь не ближний, — ответил мальчик.

— А дом сразу нашел?

— Да признаться, хозяин, не очень-то сразу.

— Ты, конечно, проголодался?

— Да признаться, пожалуй, что и так.

У мальчика была странная манера говорить, стоя боком к собеседнику и дергая головой, точно это движение помогало ему извлекать наружу собственный голос. Он мог бы развеселить кого угодно, но маленькую Нелл его чудачества приводили прямо-таки в восторг, и я радовался за девочку, видя, что в этом доме, где ей совсем не годилось жить, она находит, над чем посмеяться. Киту явно льстил такой успех: поняв всю безнадежность своих попыток сохранить серьезное выражение лица, он вдруг прыснул, да так и зашелся от смеха, стоя с широко открытым ртом и зажмуренными глазами.

Старый антиквар снова погрузился в апатию, ничего не видя вокруг себя; но от моего внимания не ускользнуло, что ясные глаза девочки затуманились слезами, вызванными радостью при встрече с ее неказистым любимцем после всех волнений этого вечера. Что касается Кита, готового в любую минуту перейти от смеха к плачу, то он удалился в угол, прихватив с собой огромный ломоть хлеба с мясом и кружку пива, и с жадностью принялся уничтожать и то и другое.

Но вот старик вздохнул и, повернувшись ко мне, воскликнул, словно мы с ним и не прекращали нашего разговора:

— Как же вы можете попрекать меня, что я мало думаю о ней!

— Не надо принимать так близко к сердцу мои слова, ведь это было сказано по первому впечатлению, — ответил я.

— Да... — задумчиво проговорил он, — да... Пойди сюда, Нелл.

Девочка подбежала к деду и обняла его за шею.

— Ведь я люблю тебя, Нелл? — спросил ее старик. — Скажи, люблю я тебя или нет?

Вместо ответа она приласкалась к нему, — детская головка нежно припала к его груди.

— Почему ты плачешь? — Он привлек ее к себе и перевел взгляд на меня. — Тебе обидно, что я сомневаюсь в этом? Ну, полно, полно! Стало быть, так и будем знать: я очень люблю мою Нелл.

— Любишь! Конечно, любишь! — проникновенным голосом сказала она. — Кит тоже это знает.

Кит, который с невозмутимостью фокусника заглывал с каждым куском хлеба две трети ножа, приостановился на минутку и оглушительно рявкнул: «Какой же дурак этого не знает!» — после чего отправил в рот сразу целый сэндвич, лишив себя всякой возможности продолжать дальнейший разговор.

— У нее сейчас ничего нет, — продолжал старик, поглаживая внучку по щеке. — Но повторяю: недалеко то время, когда она будет богата. Я давно жду этого, очень давно, и дождусь. Непременно дождусь! Есть люди, которые только и знают, что кутят, сорят деньгами направо и налево, а счастье само бежит к ним в руки. Когда же оно придет ко мне!

— Дедушка, я и так счастлива, — сказала Нелл.

— Вздор, вздор! — остановил ее старик. — Ты еще ничего не понимаешь, да и где тебе понять! — И он забормотал сквозь зубы: — Наше время придет, обязательно придет. Может даже, чем позже, тем лучше. — Потом вздохнул и, не отпуская от себя девочку, снова погрузился в задумчивость. До полуночи оста-

вались считанные минуты, я встал, собираясь уходить, и этим вывел его из оцепенения.

— Подождите, сэ... Кит! Как же так! Двенадцать часов, а ты все еще здесь! Беги, беги домой! А завтра утром смотри не опаздывай, ты мне понадобишься. Ну, спокойной ночи! Нелл, простись с ним, пусть уходит.

— Спокойной ночи, Кит, — сказала она, и глаза ее засветились лаской и весельем.

— Спокойной ночи, мисс Нелл, — ответил мальчик.

— И поблагодари этого джентльмена, — добавил старик. — Если бы не он, я, пожалуй, потерял бы свою маленькую Нелл.

— Нет, нет, хозяин! — сказал Кит. — Не годится так говорить!

— Почему? — удивился старик.

— Потому, хозяин, что уж я-то непременно бы ее нашел, если бы она только под землю не скрылась. Где-нибудь, а нашел бы, в один миг! Ха-ха-ха!

Кит снова разинул рот, зажмурился и, пятясь задом, с громовым хохотом выскочил из комнаты.

Очувтившись за дверью, он медлить не стал и живо убежал домой, а Нелли принялась убирать со стола. Старик воспользовался этим и снова обратился ко мне:

— Вам, может, покажется, сэ, будто я недостаточно ценю то, что вы сделали сегодня, но это неверно. Мы с Нелли покорнейше и смиренно благодарим вас за все, а ее благодарность стоит больше моей. Мне бы не хотелось, чтобы вы ушли с мыслью, будто я не чувствую к вам признательности за вашу доброту и мало забочусь о своей внучке... Нет, сэ, это не так.

— То, что я видел, убеждает меня в противном, — сказал я и потом добавил: — Разрешите только задать вам один вопрос.

— Извольте, сэ, — ответил старик. — Спрашивайте.

— Неужели за этой девочкой, такой хрупкой, такой красивой и умненькой, никто не присматривает, кроме вас? Неужели у нее нет еще какого-нибудь друга, советчика?

— Она больше ни в ком не нуждается, — сказал он, с тревогой глядя на меня.

— А не страшно ли вам брать на себя такую ответственность? Вдруг вы не справитесь с ней? Никто не сомневается в ваших благих намерениях, но отдаете ли вы себе отчет в том, как надо заботиться о столь нежной питомице? Я тоже старик, и, как и всякому человеку на склоне лет, мне особенно дороги существа юные, у которых впереди вся жизнь. Я с глубоким интересом наблюдал за вами обоими, но в то же время испытывал чувство боли.

— Сэр, — заговорил старик после минутного молчания. — Я не вправе обижаться на ваши слова. Действительно, иной раз ребенком можно счесть меня, а взрослой — ее. Вы сами в этом убедились. Но и во сне и наяву, днем и ночью, больной и здоровый, я пекусь только о ней. И как пекусь! Зная это, вы смотрели бы на меня совсем, совсем другими глазами... Нелегко мне, старику, живется, очень нелегко, но я вижу перед собой великую цель и не отступлюсь от нее.

Он был вне себя от волнения, и, решив больше не раздражать его, я шагнул за своей шинелью, оставленной у двери. И вдруг увидел, что Нелл стоит рядом со мной, держа в руках плащ, шляпу и трость.

— Это не мое, милая, — сказал я.

— Нет, нет, — спокойно ответила девочка, — это я дедушке.

— Неужели он уйдет из дому на ночь глядя?

— Уйдет, — сказала она и улыбнулась.

— А как же ты, моя прелесть?

— Я? Останусь здесь, конечно! Как всегда.

Я удивленно посмотрел на старика, но он старательно оправлял на себе плащ, то ли притворяясь, то ли на самом деле не слыша нашего разговора. Взгляд мой снова упал на маленькую, хрупкую фигурку девочки. Одна! Всю тоскливую, долгую ночь — одна в этом мрачном доме!

Нелли не подала виду, что замечает мое удивление, и помогла деду одеться, потом взяла свечу и пошла вперед — осветить нам, но на пороге остановилась, с улыбкой поджидая нас обоих. Судя по лицу старика, он понимал, почему я медлю, и все-таки не сказал ни слова, а лишь кивнул головой, пропуская меня вперед. Мне не оставалось ничего другого, как подчиниться.

В дверях девочка поставила свечу на пол и потянулась ко мне, чтобы я ее поцеловал на прощанье. Потом подбежала к старику; он обнял и благословил ее.

— Спи сладко, Нелл, — тихо проговорил он. — Пусть ангелы охраняют твой сон! И не забудь, родная, прочитать молитву на ночь.

— Нет, что ты! — горячо воскликнула она. — Мне бывает так хорошо после нее!

— Да, да, верно... я по себе это знаю, так и должно быть, — сказал старик. — Да благословит тебя Бог! К утру я буду дома.

— Ты только разок позвонишь, и я сразу услышу — как бы крепко мне ни спалось, — заверила его девочка.

На этом они простились. Нелл распахнула дверь, прикрытую теперь ставнями (я слышал, как Кит возился с ними, прежде чем убежать домой), и, в последний раз пожелав нам доброй ночи своим нежным, чистым голоском, вспоминаямшимся мне потом тысячи раз, проводила нас за порог. Старик подождал с минуту и, убедившись, что внучка затворила дверь и заперла ее на засов, медленно зашагал по улице. На углу он остановился, тревожно посмотрел мне в лицо и стал прощаться, уверяя, будто бы нам совсем не по дороге. Я не успел сказать ни слова, с такой неожиданной для его возраста быстротой мой спутник оставил меня. На ходу он оглянулся раза два или три, словно проверяя, не наблюдаю ли я за ним, а может быть, опасаясь, что мне придет в голову выслеживать его издали. Ночная тьма благоприятствовала ему, и он скоро исчез у меня из виду.

Я так и остался стоять на углу, не имея сил уйти и сам не зная, что мне здесь нужно. Потом бросил грустный взгляд на улицу, по которой мы только что шли, и, поразмыслив еще минуту, зашагал обратно. Я несколько раз прошел мимо дома старого антиквара, остановился у двери, прислушался. За ней было темно и тихо, как в могиле.

И все-таки мне не хотелось уходить отсюда; я медлил, перебирая в уме все мыслимые беды, которые могли грозить ребенку, — пожар, ограбление и даже смерть от руки убийцы. У меня было такое чувство, что стоит мне только отойти от этого дома — и его постигнет несчастье. Вот где-то хлопнули не то

дверью, не то окном... И, перейдя улицу, я снова стал перед лавкой антиквара и снова осмотрел ее... Нет, здесь все тихо. Дом стоит по-прежнему темный, холодный, без малейших признаков жизни.

Прохожие попадались мне редко. Унылая, мрачная улица была почти в полном моем распоряжении. Лишь изредка пробежит какой-нибудь запоздалый театрал, да кой-когда свернешь с тротуара, уступая дорогу пьяному, который горланит что есть мочи и, шатаясь, бредет домой. Впрочем, и такие прохожие были редки, а вскоре даже их не стало. Пробыло час ночи, а я все шагал и шагал по этой улице, всякий раз давая себе слово, что сейчас уйду, и тут же нарушая его под каким-нибудь новым предлогом.

Речи старика, да и сам он, не выходили у меня из головы, а то, что я видел и слышал у него в доме, с каждой минутой казалось мне все непонятнее. Ночные отлучки старого антиквара были в высшей степени подозрительны. Я узнал о них только благодаря простодушной откровенности девочки; старик слышал, что она сказала, заметил мое явное недоумение, но все же промолчал, не потрудившись объяснить мне свою тайну. И чем больше я раздумывал над этим, тем явственнее возникали перед мной его измученное лицо, рассеянность, блуждающий, неспокойный взгляд. Почему бы ему не совмещать в душе любовь к внучке с самым черным злодейством? Да разве любовь эта не противоречит сама себе, если он способен оставлять девочку одну на ночь? Но при всем моем недоверии к старику я ни на минуту не сомневался в искренности его чувства к ней. Я даже не мог допустить подобных сомнений, вспоминая наш разговор, вспоминая, с какой нежностью звучало ее имя в его устах.

«Останусь здесь, конечно! — ответила она на мой вопрос. — Как всегда». Что же влечет старика из дому — ночь за ночью? Я перебирал в уме рассказы о чудовищных, загадочных преступлениях, которые совершаются в больших городах и долгие годы остаются нераскрытыми. Но как ни страшны были эти рассказы, ни один из них не мог послужить мне для разъяснения тайны, становившейся тем непонятнее, чем больше я думал над ее разгадкой. Погруженный в свои мысли, которые своди-

лись все к одному и тому же, я бродил по улице взад и вперед еще два долгих часа. Наконец пошел сильный дождь; усталость все-таки одолела меня, хоть и не притупила интереса к этим людям, и, остановив первую попавшуюся карету, я поехал домой. В очаге у меня весело потрескивал огонь, лампа горела ярко, часы, как всегда, встретили своего хозяина радужным тиканьем. Тишина, тепло, уют — как радостно было ощущать это после того уныния и мрака, который только что окружал меня!

Я сел в кресло, откинулся на его мягкие подушки, и мне сразу представилось, как эта девочка — одна, всеми брошенная, никем не охраняемая (кроме ангелов) — мирно спит в своей постели. Такая нежная и хрупкая, словно фея, такая юная — и где, в каком месте проводит она томительные, долгие ночи! Я не мог примириться с этим.

Мы так подвержены воздействию внешнего мира, что многие наши мысли (коим надлежало бы носить чисто умозрительный характер), может статься, не пришли бы нам в голову без этой помощи со стороны. И я не уверен, овладела ли бы мною с такой силой тревога о маленькой Нелл, если бы этой тревоге не сопутствовало воспоминание о причудливых вещах, которыми была полна лавка антиквара. Одиночество девочки, окруженной всеми этими диковинами, стало для меня особенно ощутимым. Она стояла передо мной как живая, а вокруг нее теснилось все то, что было столь чуждо всей ее природе, чуждо ее полу и возрасту. Если бы моя фантазия не получила такого подспорья, если бы я увидел девочку в обычной комнате, в обычной обстановке, — весьма возможно, что ее одиночество не поразило бы меня так сильно. Теперь же она казалась мне образом из какой-то аллегории и так приковывала к себе мои мысли, что я, повторяю, при всем желании не мог думать ни о чем другом.

— Как же сложится ее жизнь? — проговорил я вслух, беспокойно шагая из угла в угол. — Неужто эти чудовища так и будут держать ее в плену и она так и останется единственным чистым, свежим, непорочным существом среди них? Что ожидает...

Но тут я прервал свои размышления, ибо они заводили меня слишком далеко, заводили в ту область, которой мне не хоте-

лось касаться. И, оставив эти пустые домыслы, я решил лечь и забыться сном.

Но всю ту ночь, и во сне и наяву, ко мне возвращались все те же думы, и те же образы неотступно стояли у меня перед глазами. Я видел темные, сумрачные комнаты, рыцарские доспехи, костлявыми призраками безмолвно выступающие из углов, ухмылки и гримасы деревянных и каменных уродцев, пыль, ржавчину, источенное червем дерево... и посреди этого хлама, этой ветоши и запустения мирно спит пленительной красоты девочка — спит и улыбается своим легким, светлым сном.

ГЛАВА II

Желание снова посетить то место, откуда я ушел при описанных выше обстоятельствах, наконец одержало надо мной верх, промучив меня почти всю следующую неделю; однако на сей раз я решил побывать там засветло и отправился в ту часть города в первой половине дня.

Я миновал лавку и несколько раз прошелся от угла к углу, борясь с чувством нерешительности, знакомым каждому, кто боится, что его неожиданное посещение будет некстати. Дверь дома была затворена, и, следовательно, меня не могли увидеть оттуда, сколько бы ни продолжались мои прогулки взад и вперед по тротуару. Наконец оставив колебания, я вошел в лавку торговца древностями.

Хозяин и еще какой-то человек стояли в глубине ее и, вероятно, вели не совсем приятный разговор, так как при моем появлении их громкие голоса сразу смолкли, а старик поспешил мне навстречу и взволнованно пробормотал, что очень рад меня видеть.

— Вы весьма кстати прервали наш спор, — сказал он, показывая на своего собеседника. — Этот человек когда-нибудь убьет меня. Он давно бы это сделал, да только не смеет.

— А, перестаньте! Будь на то ваша воля, вы бы сами давно отправили меня на виселицу, — огрызнулся незнакомец, предвзвительно бросив в мою сторону дерзкий взгляд из-под нахмуренных бровей. — Это всем известно.

— Да, пожалуй, ты прав! — в бессильной ярости воскликнул старик. — Я дам любую клятву, сотворю любую молитву, лишь бы отделаться от тебя! Твоя смерть была бы для меня избавлением!

— Знаю, все знаю, — сказал незнакомец. — О том я и толкую! Но ни ваши клятвы, ни ваши молитвы мне не повредят. Я жив и здоров и умирать не собираюсь.

— А мать его умерла! — Старик горестно стиснул руки и устремил глаза ввысь. — Где же она, справедливость!

Незнакомец стоял, поставив одну ногу на табуретку, и с презрительной усмешкой поглядывал на старика. Это был молодой человек, примерно двадцати одного года, стройный и бесспорно красивый, хотя в выражении его лица, в манерах и даже одежде чувствовалось что-то отталкивающее, беспутное.

— Не знаю, как там насчет справедливости, — сказал он, — но я, как видите, здесь; и здесь и останусь до тех пор, пока сочту нужным или пока меня с чьей-нибудь помощью не выставят за дверь, чего вы, конечно, не сделаете. Повторяю еще раз: я хочу видеть свою сестру.

— Сестру! — с горечью воскликнул старик.

— Да! Родство есть родство, тут уж ничего не попишешь. Вы давно бы его похерили, будь это в ваших силах, — сказал молодой человек. — Я хочу видеть сестру, которую вы держите взаперти и только портите, впутывая в свои тайные дела! Да еще прикидываетесь, будто любите ее, а на самом деле готовы вогнуть ребенка в гроб ради того, чтобы наскрести еще несколько жалких грошей в придачу к своим несметным богатствам. Я хочу видеть ее — и увижу.

— Полюбуйтесь на этого праведника! И он говорит о том, что я порчу Нелл! Он, щедрая душа, пренебрегает лишним грошом! — воскликнул старик, поворачиваясь ко мне. — Этот беспутный человек, сэр, потерял всякое право требовать что-либо не только от тех, кто имеет несчастье быть с ним в кровном родстве, но и от общества, которое видит от него одно лишь зло. И, кроме того, это лжец! — добавил он, понизив голос и подходя ко мне вплотную. — Ему ли не знать, как я люблю

ее, и все-таки он старается оскорбить меня в моих лучших чувствах, пользуясь присутствием постороннего.

— Я, дедушка, посторонними людьми не интересуюсь, — сказал молодой человек, расслышав его последние слова. — И надеюсь, они мной тоже. Пусть занимаются своими делами и оставят других в покое, это будет самое лучшее. Меня дожидается один приятель, и, с вашего позволения, я приглашу его сюда, так как мне, видимо, придется задержаться здесь.

С этими словами он вышел за дверь и, посмотрев направо и налево, замахал рукой какому-то невидимке, которого (судя по горячности этой сигнализации) не так-то легко было подманить. Но вот на другой стороне улицы — якобы совершенно случайно — появилась фигура, сразу бросившаяся в глаза своим костюмом, затасканным, но с поползновением на щегольство. Фигура эта долго гримасничала и мотала головой, отказываясь от приглашения, но в конце концов пересекла дорогу и вошла в лавку.

— Ну, вот. Это Дик Свивеллер, — сказал молодой человек, подталкивая его вперед. — Садись, Свивеллер.

— А как старичок, не противится? — вполголоса спросил мистер Свивеллер.

— Садись, — повторил его приятель.

Мистер Свивеллер повиновался и, с заискивающей улыбкой оглядевшись по сторонам, сообщил, что на прошлой неделе погода была хороша для уток, а на этой неделе им хуже — ни одной лужи, и что, стоя на перекрестке у фонарного столба, он видел свинью, которая вышла из табачной лавки с соломинкой во рту, — а значит, уткам на следующей неделе опять будет раздолье, ибо без дождя не обойдется. Далее сей джентльмен извинился за некоторую небрежность своего туалета и, объяснив ее тем обстоятельством, будто бы вчера вечером он основательно «заложил за галстук», таким образом в самой деликатной форме дал понять своим слушателям, что был мертвецки пьян накануне.

— Но какое это имеет значение, — со вздохом заключил мистер Свивеллер, — покуда нас на пир зовет веселый звон стаканов и осеняющие нас крылья дружбы не роняют ни перышка!

Какое это имеет значение, покуда в крови кипит искрометное вино и мы упиваемся блаженством и страданием!

— Перестань развлекать общество, — буркнул его приятель.

— Фред! — воскликнул мистер Свивеллер, пощелкивая себя пальцем по носу. — Умному человеку достаточно лишь намекнуть. Зачем нам богатства, Фред? Мы и без них будем счастливы. Ни слова больше! Я поймал твою мысль на лету: держать ухо остро. Ты только шепни мне: старичок благоволит?

— Отвяжись, — последовал ответ.

— Опять же правильно, — согласился мистер Свивеллер. — Приказано быть начеку, и будем начеку. — Он подмигнул, скрестил руки на груди, откинулся на спинку стула и с необычайно глубокомысленным видом уставился в потолок.

Из всего вышеизложенного резонно было бы заключить, что мистер Свивеллер еще не совсем пришел в себя от необычайно сильного воздействия искрометного вина, на которое он сам ссылался, но если бы даже таких подозрений не вызывали речи этого джентльмена, то взлохмаченные волосы, осоловелые глаза и землистый цвет лица свидетельствовали бы не в его пользу. Намекая на некоторую неряшливость своей одежды, мистер Свивеллер был прав, ибо она не отличалась чрезмерной опрятностью и наводила на мысль, что ее обладатель проспал ночь не раздеваясь. Костюм его состоял из коричневого полуфрака с множеством медных пуговиц спереди и одной-единственной сзади, шейного платка в яркую клетку, жилета из шотландки, грязно-белых панталон и шляпы с обвислыми полями, надетой задом наперед, чтобы скрыть дыру на самом видном месте. Полуфрак был украшен нагрудным карманом, откуда выглядывал самый чистый уголок очень большого и очень непрезентабельного носового платка; грязные манжеты рубашки, вытянутые до отказа, прикрывали обшлага. Мистер Свивеллер обходился без перчаток, но зато был при желтой тросточке с набалдашником в виде костяной руки, поблескивавшей чем-то вроде колечка на мизинце и сжимавшей черный шарик.

Итак, сей джентльмен развалился на стуле во всеоружии своих чар (к коим следует прибавить также сильный запах табачного дыма и весьма потрепанный вид), вперила глаза в по-

толок и, предварительно попробовав голос, угостил общество несколькими тактами крайне заунывной песни, потом вдруг оборвал свои рулады и снова погрузился в молчание.

Старик сидел со сложенными на груди руками и поглядывал то на внука, то на его странного приятеля, зная, должно быть, что ему не обуздать их. Фред привалился спиной к столу неподалеку от своего дружка и делал вид, будто ничего не произошло, а я, зная, насколько трудно постороннему вмешиваться в чужие дела, притворился, будто рассматриваю вещи, выставленные на продажу, и ни на кого не обращаю внимания, хотя старик с первой же минуты взывал к моей помощи и словами и взглядами.

Впрочем, молчание не затянулось, ибо мистер Свивеллер, предварительно поведав нам нараспев, что в горах его сердце, доньше он там и что для свершения доблестных, героических деяний ему не хватает только арабского коня, отвел взгляд от потолка и снова вернулся к презренной прозе.

— Фред, — вдруг обратился он к приятелю громким шепотом, словно пораженный какой-то внезапной мыслью. — Скажи, старичок благоволит?

— Какое тебе дело? — огрызнулся тот.

— Нет, а все-таки?

— Да, да, вполне. Впрочем, на это наплевать.

Ободренный таким ответом, мистер Свивеллер решил завести разговор на более общие темы и во что бы то ни стало завоевать наше внимание.

Для начала он заявил, что содовая вода — вещь сама по себе недурная — может застудить желудок, если ее не одобрит элем или небольшой порцией коньяка, причем последний предпочтителен во всех смыслах, кроме одного — сильно бьет по карману. Так как никто не рискнул оспаривать это положение, мистер Свивеллер сообщил нам, что волосам человека свойственно долго сохранять запах табачного дыма и что юные воспитанники Итона и Вестминстера поглощают огромное количество яблок, дабы отбить запах сигар, и все же изобличаются в курении своими рачительными друзьями, ибо, как уже было сказано, волосы обладают этой удивительной особенностью.

Отсюда вывод: если б Королевское общество заинтересовалось вышеизложенным обстоятельством и изыскало в недрах науки способ предотвратить подобного рода нежелательные разоблачения, члены его заслужили бы славу благодетелей рода человеческого. Не встретив возражений и на сей раз, он уведомил нас далее, что ямайский ром — напиток душистый, отменного букета — имеет один весьма существенный недостаток, а именно: на другой день после него остается неприятный вкус во рту. Поскольку среди присутствующих не нашлось смельчаков, которые отважились бы опровергнуть это, мистер Свивеллер окончательно разошелся и стал еще словоохотливее и откровеннее.

— Куда это годится, джентльмены, когда между родственниками начинаются ссоры и дразги! — воскликнул он. — Если крыльям дружбы не пристало ронять ни перышка, то крылья родственных уз и подавно должны быть всегда распростерты над нами в безмятежном покое; и горе тому, кто окорнает их! Почему дедушка и внук с остервенением грызутся между собой, вместо того чтобы блаженствовать в обоюдном согласии? Почему бы им не протянуть друг другу руку и не предать прошлое забвению?

— Да замолчи ты! — крикнул его приятель.

— Сэр! — обратился к нему мистер Свивеллер. — Прошу не перебивать председателя. Джентльмены! Обсудим, как обстоит дело. Вы видите перед собой милейшего старенького дедушку — произношу эти слова с чувством глубокого почтения к нему — и его непутевого внука. Милейший старенький дедушка говорит своему непутевому внуку: «Я растил и учил тебя умному, Фред. Я поставил тебя на ноги, а ты взял да и свихнулся, как это часто случается с молодыми людьми, и теперь больше ко мне не суйся». На что непутевый внук возражает ему следующее: «Вы, дедушка, из богачей богач и не так уж много на меня потратились. Деньги вы копите для моей маленькой сестрички, которая живет у вас в заточении, настоящей затворницей, и даже понятия не имеет об удовольствиях. Так почему бы вам не уделить ну хоть самую малость вашему взрослому внуку?» А милейший старенький дедушка отвечает и говорит, что он отнюдь не намерен раскошелиться с той охотой и с тем благодушием,

которые производят столь выгодное и отрадное впечатление в человеке его лет. Более того! Он грозит при каждой встрече устраивать внуку головомойку, пилить его и всячески порочить. Итак, спрашивается: не прискорбно ли такое положение вещей и не лучше ли было бы почтенному джентльмену откупиться умеренной суммой и поладить на этом, ко всеобщему удовольствию?

Произнеся эту торжественную речь, сопровождавшуюся выразительным помаванием рук, мистер Свивеллер вдруг сунул в рот набалдашник, очевидно для того, чтобы ни одним лишним словом не испортить впечатления от своего монолога.

— Боже мой, боже! — воскликнул старик и повернулся к внуку. — Зачем ты преследуешь и терзаешь меня? Зачем ты водишь сюда своих беспутных приятелей? Сколько раз мне повторять, что я бедняк, что жизнь моя полна забот и лишений?

— А мне сколько раз повторять, что это неправда? — сказал молодой человек, холодно глядя на деда.

— Ты избрал себе путь. Так следуй же этим путем. Оставь меня и Нелл в покое, мы с ней труженики.

— Нелл скоро будет взрослой девушкой, — возразил ему внук. — Под вашим влиянием она совсем отступится от брата, если он перестанет навещать ее хоть изредка.

— Смотри, как бы она не отступилась от тебя, когда тебе меньше всего захочется этого! — сверкнув глазами, воскликнул старик. — Смотри, как бы не настал день, когда ты будешь босой скитаться по улицам, а она проедет мимо тебя в пышной карете!

— А день этот наступит, когда ей достанутся ваши деньги? Послушайте, что он говорит, наш бедняк!

— И все-таки мы бедняки, — вполголоса, будто размышляя вслух, пробормотал старик. — И нам так трудно живется! Ведь все во имя ребенка, невинного, чистого... а удачи нет! Надейся и терпи! Надейся и терпи!

Эти слова были сказаны совсем тихо, и молодые джентльмены не расслышали их. Мистер Свивеллер, вообразив, что они служат выражением душевной борьбы, начавшейся под могучим воздействием его речи, ткнул приятеля тростью и, шеп-

нув: «Проняло!» — потребовал процентов с ожидаемой поживы. Впрочем, когда ошибка обнаружилась, он немедленно осовел, надулся и стал намекать на то, что сейчас самое время удалиться, — как вдруг дверь отворилась и в комнату вошла Нелли.

ГЛАВА III

По пятам за девочкой шел пожилой человек на редкость свирепого и отталкивающего вида и к тому же ростом настоящий карлик, хотя голова и лицо этого карлика своими размерами были под стать только великану. Его хитрые черные глаза так и бегали по сторонам, у рта и на подбородке топорщилась жесткая щетина, а кожа была грязная, нездорового оттенка. Но что особенно неприятно поражало в его физиономии — это отвратительная улыбка. По-видимому, заученная и не имеющая ничего общего с веселостью и благодушием, она выставляла напоказ его редкие желтые зубы и придавала ему сходство с запыхавшейся собакой. Костюм этого человека состоял из сильно поношенной темной пары, высоченного цилиндра, огромных башмаков и совершенно слежавшегося, грязно-белого фуляра, которым он тщетно старался прикрыть свою жилистую шею. Его черные, с сильной проседью, волосы — вернее, жалкие их остатки — были коротко подстрижены у висков, а на уши спадали сальными космами. Руки, грубые, заскорузлые, тоже не отличались опрятностью; длинные кривые ногти отливали желтизной.

Я успел заметить все эти подробности, так как они настолько бросались в глаза, что особой наблюдательности тут и не требовалось, а кроме того, первые несколько минут все мы хранили молчание. Девочка застенчиво подошла к брату и протянула ему руку; карлик (мы так и будем его называть) внимательно приглядывался ко всем нам, а старый антиквар, видимо не ожидавший этого странного гостя, был явно смущен и расстроен его приходом.

— Ага! — сказал наконец карлик, поглядев из-под ладони на молодого человека. — Если я не ошибаюсь, любезнейший, это ваш внучек?

— К сожалению, вы не ошибаетесь, — ответил старик.

— А это? — карлик показал на Дика Свивеллера.

— Его приятель, такой же незваный гость.

— А это? — осведомился карлик, круто поворачиваясь и тыча пальцем в меня.

— Этот джентльмен был так добр, что довел Нелли до дому, когда она заблудилась, возвращаясь от вас.

Карлик шагнул к девочке с таким видом, точно хотел пожурить ее или выразить ей свое удивление, но, увидев, что она разговаривает с братом, молча наклонил голову и стал прислушиваться.

— Ну, признавайся, Нелли, — громко сказал молодой человек. — Чему тебя здесь учат — ненавидеть меня?

— Нет, нет! Что ты! Зачем ты так говоришь? — воскликнула девочка.

— Так, может, учат любить? — с насмешливой гримасой продолжал ее брат.

— Ни то и ни другое, — ответила она. — Со мной просто не говорят о тебе. Никогда не говорят.

— Ну еще бы! — Он метнул злобный взгляд на деда. — Еще бы! Этому я охотно верю.

— Но я люблю тебя, Фред! — сказала девочка.

— Не сомневаюсь.

— Правда люблю! И всегда буду любить! — с чувством повторила она. — И любила бы тебя еще больше, если бы ты не огорчал и не мучил его.

— Понятно! — Молодой человек небрежно нагнулся к сестре, чмокнул ее и тут же отстранил от себя. — Ну, хорошо. Урок свой ты заучила твердо, теперь можешь идти. А хныкать нечего — мы с тобой не поссорились.

Он молча провожал ее глазами до тех пор, пока она не притворила за собой дверь своей комнаты, потом повернулся к карлику и резко сказал:

— Слушайте, мистер...

— Это вы мне? — спросил тот. — Меня зовут Квилп. Уж как-нибудь запомните, фамилия коротенькая, — Квилп. Дэниел Квилп!

— Так вот, мистер Квилп, — продолжал молодой человек. — Вы, кажется, имеете некоторое влияние на моего деда?

— Имею, — отрезал мистер Квилп.

— И посвящены в кое-какие его тайны и секреты?

— Посвящен, — так же сухо ответил Квилп.

— В таком случае будьте добры уведомить его от моего имени, что покуда Нелл здесь, я намерен приходить сюда и уходить отсюда, когда мне вздумается. Так что, если он хочет отделаться от своего внука, пусть сначала расстанется с внучкой. Чем я заслужил, что мною страшат, как пугалом, и прячутся от меня, как от зачумленного! Он станет говорить вам, будто я бесчувственный человек и не люблю ни его, ни сестру. Ну что ж, пусть так! Зато я люблю делать все по-своему и буду являться сюда, когда захочу. Нелл не должна забывать, что у нее есть брат. Мы с ней *будем* видаться, это решено. Сегодня я пришел и настоял на своем и приду еще пятьдесят раз за тем же самым. Я говорил, что дождусь ее, и дождался, а больше мне нечего здесь делать. Пошли, Дик!

— Стой! — крикнул мистер Свивеллер, как только его приятель шагнул к двери. — Сэр!

— Ваш покорный слуга, сэр! — сказал мистер Квилп, к которому относилось это краткое обращение.

— Прежде чем покинуть чертог, сияющий огнями, и упоенную веселием толпу, я позволю себе, сэр, сделать одно мимо-летное замечание. Я пришел сюда в полной уверенности, что старичок благоволит...

— Продолжайте, сэр, — сказал мистер Квилп, так как оратор вдруг запнулся.

— Вдохновленный этой мыслью, сэр, вдохновленный чувствами, отсюда проистекающими, и зная также, что ссоры, свары и споры не способствуют раскрытию сердец и умиротворению противников, я, как друг семьи, взял на себя смелость предложить один ход, который при данных обстоятельствах является наилучшим. Разрешите шепнуть вам одно словечко, сэр?

Не дожидаясь разрешения, Свивеллер подошел к карлику вплотную, оперся локтем на его плечо, нагнулся к самому его уху и сказал так громко, что все услышали:

— Мой совет старику — раскрыть кошель.

— Что? — переспросил Квилп.

— Раскрыть кошель, сэр, кошель! — ответил мистер Свивеллер, хлопывая себя по карману. — Чувствуете, сэр?

Карлик кивнул, мистер Свивеллер отступил назад и тоже кивнул, потом отступил еще на шаг, опять кивнул — и так далее, в той же последовательности. Достигнув таким образом порога, он оглушительно кашлянул, чтобы привлечь внимание карлика и лишний раз воспользоваться возможностью изобразить средствами пантомимы свое полное доверие к нему, а также намекнуть на желательность соблюдения строжайшей тайны. Когда же эта немая сцена, необходимая для передачи его мыслей, была закончена, он последовал за своим приятелем и мгновенно исчез за дверью.

— Гм! — хмыкнул карлик, сердито передернув плечами. — Вот они, родственнички! Я, слава богу, от своих отделался. И вам тоже советую, — добавил он, поворачиваясь к старику. — Да только вы тряпка, и разума у вас не больше, чем у тряпки!

— Что вы от меня хотите! — в бессильном отчаянии воскликнул антиквар. — Вам легко так рассуждать, легко издеваться надо мной. Что вы от меня хотите?

— А знаете, что бы сделал на вашем месте я? — спросил карлик.

— Что-нибудь страшное, наверно.

— Правильно! — Чрезвычайно польщенный таким комплиментом, мистер Квилп с дьявольской усмешкой потер свои грязные руки. — Справьтесь у миссис Квилп, у очаровательной миссис Квилп, покорной, скромной, преданной миссис Квилп. Да, кстати! Я оставил ее совсем одну, она, верно, ждет меня не дождется, просто места себе не находит. Она всегда так — стоит только мне уйти из дому. Правда, моя миссис Квилп никогда в этом не признается, пока я не разрешу ей говорить со мной по душам и пообещаю не сердиться. О-о, она у меня вышколенная!

Уродливый карлик с огромной головой на маленьком туловище стал совсем страшен, когда он начал медленно, медленно потирать руки, — а казалось бы, что могло быть невиннее этого

жеста! — потом насупил свои мохнатые брови, выпятил подбородок и так закатил к потолку глаза, пряча сверкавшее в них злорадство, что эту ужимку охотно перенял бы у него любой бес.

— Вот, — сказал он, сунув руку за пазуху и боком подступая к старику. — Сам принес для верности. Ведь как-никак — золото. У Нелли в сумочке они, пожалуй, не поместились бы, да и тяжело. Впрочем, ей надо привыкать, а, любезнейший? Когда вы помрете, она будет носить в этой сумочке немалые ноши.

— Дай бог, чтобы ваши слова сбылись! Все мои надежды только на это! — почти со стоном проговорил старик.

— Надежды! — повторил карлик и нагнулся к самому его уху: — Хотел бы я знать, любезнейший, куда вы вкладываете все эти деньги? Да разве вас перехитришь! Очень уж вы бережете свою тайну.

— Мою тайну? — пробормотал старик, растерянно поводя глазами. — Да, правильно... я... я берегу ее... берегу как зеницу ока. — Он не добавил больше ни слова, взял деньги, усталым, безнадежным движением поднес ко лбу руку и медленно отошел от карлика.

Квилп пристальным взглядом проводил старика в заднюю комнату, увидел, как деньги были заперты в железную шкатулку на каминной доске, посидел еще несколько минут в раздумье и наконец собрался уходить, заявив, что ему надо торопиться, не то миссис Квилп встретит его истерическим припадком.

— Итак, любезнейший, — добавил он, — я направляю свои стопы домой и прошу вас передать мой поклон Нелли. Надеюсь, она больше не будет плутать по улицам, хотя этот неприятный случай принес мне такую неожиданную честь... — С этими словами карлик отвесил поклон в мою сторону, скосил на меня глаза, потом обвел все кругом пронзительным взглядом, от которого, казалось, не скроется никакой пустяк, никакая мелочь, и наконец удалился.

Я сам уже давно порывался уйти, но старик все удерживал меня и просил посидеть еще. Как только мы с ним остались вдвоем, он возобновил свои просьбы, вспоминая с благодарностью случай, сведший нас в первый раз, и я, охотно уступив ему,

сел в кресло и притворился, будто с интересом рассматриваю редкостные миниатюры и старинные медали. Уговаривать меня пришлось недолго, ибо если первое посещение лавки пробудило мое любопытство, то теперешнее еще больше его разожгло.

Вскоре к нам присоединилась Нелл. Она принесла какое-то рукоделье и села за стол рядом с дедом. Мне было приятно видеть свежие цветы в этой комнате, птицу в клетке, прикрытую от света зеленой веточкой, мне было приятно дуновение чистоты и юности, которое проносилось по унылому старому дому и реяло над головкой Нелли. Но отнюдь не приятное, а скорее жуткое чувство охватывало меня, когда я переводил взгляд с прелестного, грациозного ребенка на согбенную спину и морщинистое, изнуренное лицо старика. Он будет слабеть, дряхлеть, — что же станет тогда с этой одинокой девочкой? А вдруг он умрет и она лишится даже такой опоры? Какая участь ждет ее впереди?

Старик вдруг тронул внучку за руку и сказал, почти отвечая на мои мысли:

— Я больше не буду унывать, Нелл. Счастье придет, обязательно придет! Я прошу его только для тебя, мне самому ничего не нужно. А иначе сколько бед падет на твою невинную головку! Оно должно улыбнуться нам, ведь его так добиваются, так зовут!

Девочка ласково посмотрела на деда, но ничего не сказала.

— Когда я думаю, — продолжал он, — о тех долгих годах — долгих для твоей юной жизни, что ты провела здесь со мной, о твоём унылом существовании... без сверстников, без ребяческих утех... об одиночестве, в котором ты росла, — мне иной раз кажется, что я жестоко обходился с тобой, Нелл.

— Дедушка! — с неподдельным изумлением воскликнула она.

— Не намеренно, нет, нет! — сказал старик. — Я всегда верил, что настанет день, когда ты сможешь наконец быть среди самых веселых, самых красивых и займешь место, которое уготовано только избранным. И я все еще жду этого, Нелл. Жду и буду ждать! Но вдруг ты останешься одна?.. Что я сделал, чтобы подготовить тебя к жизни? Ты совсем как вон та бедная

птичка, и так же будешь брошена на произвол судьбы... Слышишь? Это Кит стучится. Пойди, Нелл, открой ему.

Девочка встала из-за стола, сделала несколько шагов, но вдруг остановилась, вернулась назад и бросилась деду на шею. Потом снова пошла к двери, но на этот раз быстрее, чтобы скрыть слезы, брызнувшие у нее из глаз.

— Одно словечко, сэ, — торопливо зашептал старик. — Мне как-то не по себе после нашего первого разговора с вами, но в свое оправдание я могу сказать только то, что все делается к лучшему, что отступать уже поздно — да и нельзя отступать — и что надежда не оставляет меня. Все это ради нее, сэ. Я сам не раз испытывал в жизни жестокую нужду и хочу уберечь ее от страданий, неразрывных с нуждой. Я хочу уберечь Нелл от тех бед, которые так рано свели в могилу ее мать — единственное мое дитя. Я оставляю своей внучке наследство, но не такое, что можно быстро истратить, промотать — нет! — оно навсегда охранит ее от лишений. Вы понимаете меня, сэ? Она получит не какие-нибудь жалкие гроши, а целое состояние!.. Шш!.. Больше я ничего не смогу вам сказать, ни сейчас, ни после... да вот и она.

Волнение, с которым он шептал эти слова, дрожь его пальцев, лежащих на моей руке, иступленный вид, широко открытые глаза, напряженно всматривающиеся мне в лицо, — все это поразило меня. То, что я видел и слышал здесь, — слышал даже от самого старика, — давало мне основания считать его богатым человеком. Значит, это один из тех жалких скупцов, которые, поставив себе в жизни единственную цель — наживу — и скопив огромные богатства, вечно терзаются мыслью о нищете, вечно одержимы страхом, как бы не потерпеть убытков и не разориться. Многое из того, что старик говорил раньше и что было тогда непонятно мне, подкрепляло мои опасения, и я окончательно причислил его к этому несчастному племени.

То была всего лишь догадка — для более основательного суждения у меня не оставалось времени, так как девочка вскоре вернулась в комнату и сейчас же села с Китом за урок письма, что, оказывается, было заведено у них два раза в неделю и доставляло ученику и учительнице огромное удовольствие.

Очередной урок приходился на сегодняшний вечер. Чтобы передать, как долго понадобилось уговаривать Кита сесть за стол в присутствии незнакомого джентльмена, как его наконец усадили, как он загнул обшлага, расставил локти, уткнулся носом в тетрадку и страшным образом скосил на нее глаза, как, взяв перо, он немедленно начал сажать кляксу за кляксой и вымазался чернилами до корней волос, как, написав совершенно случайно правильную букву, он нечаянно стирал ее рукавом, пытаясь вывести вторую такую же, как при каждой очередной ошибке раздавался взрыв смеха девочки и не менее веселый хохот самого Кита и как, несмотря на подобные неудачи, наставница старалась преподавать своему ученику трудную науку письма, а он с таким же рвением одолевал ее, — повторяю, чтобы передать все эти подробности, понадобилось бы слишком много времени и места, гораздо больше, чем они того заслуживают. Будет вполне достаточно, если я скажу, что урок был дан, что вечер миновал и следом за ним наступила ночь, что к ночи старик опять стал выражать явные признаки беспокойства и нетерпения, что он ушел из дому тайком в тот же час, как и прежде, и что девочка опять осталась одна в этих мрачных стенах.

А теперь, доведя рассказ до этого места от своего имени и познакопив читателя с моими героями, я в интересах дальнейшего повествования отстранюсь от него и предоставлю тем, кто играет и нем главные и сколько-нибудь существенные роли, действовать и говорить самим за себя.

ГЛАВА IV

Мистер и миссис Квилп проживали на Тауэр-Хилле, и в своей скромной келье на Тауэр-Хилле миссис Квилп коротала часы разлуки, изнывая от тоски по супругу, покинувшему ее ради той деловой операции, которая, как мы уже видели, привела его в лавку древностей.

Определить род занятий или ремесло мистера Квилпа было бы трудно, хотя его интересы отличались крайней разносторонностью и дел ему всегда хватало. Он собирал дань в виде

квартирной платы с целой армии обитателей трущоб на грязных улочках и в грязных закоулках возле набережной, ссужал деньгами матросов и младших офицеров торговых судов, участвовал в рискованных операциях многих штурманов Ост-Индской компании, курил контрабандные сигары под самым носом у таможни и чуть ли не ежедневно встречался на бирже с господами в цилиндрах и в кургузых пиджачках. На правом берегу Темзы ютился небольшой, кишасий крысами и весьма мрачный двор, именовавшийся «Пристанью Квилпа», где взгляду представлялось следующее: дощатая контора, покосившаяся на один бок, словно ее сбросили сюда с облаков и она зарылась в землю, ржавые лапы якорей, несколько чугунных колец, гнилые доски и груды побитой, покореженной листовой меди. На «Пристани Квилпа» Дэниел Квилп выступал в роли подрядчика по слову старых кораблей, но, судя по всему, он был либо совсем мелкой сошкой в этой области, либо ломал корабли на совсем мелкие части. Нельзя также сказать, чтобы здесь кипела жизнь и замечались следы бурной деятельности, ибо единственным обитателем этих мест был мальчишка в парусиновой куртке (существо, по-видимому, земноводное), весь круг занятий которого заключался в том, что он либо сидел на сваях и бросал камни в тину во время отлива, либо стоял, засунув руки в карманы, и с полной безучастностью взирал на оживленную в часы прилива реку.

В доме карлика на Тауэр-Хилле, кроме помещения, занимаемого им самим и миссис Квилп, имелась крохотная каморка, отведенная ее матушке, которая проживала совместно с супружеской четой и находилась в состоянии непрекращающейся войны с Дэниелом, что не мешало ей сильно его побаиваться. Да и вообще это чудовище Квилп повергал в трепет почти всех, кто сталкивался с ним в повседневной жизни, действуя на окружающих то ли своим уродством, то ли крутостью нрава, то ли коварством, — чем именно, в конце концов, не так уж важно. Но никого не держал он в таком полном подчинении, как миссис Квилп — хорошенькую, голубоглазую, бессловесную женщину, которая, связавшись с ним узами брака в явном ослеплении чувств (что случается не так уж редко), каждод-

невно и полной мерой расплачивалась теперь за содеянное ею безумие.

Мы сказали, что миссис Квилп коротала часы разлуки в своей скромной келье на Тауэр-Хилле. Коротать-то она коротала, но только не одна, ибо, кроме ее почтенной матушки, о которой уже упоминалось раньше, компанию ей составляли несколько соседок, по странной случайности (а также по взаимному сговору) явившихся в гости одна за другой как раз к чаю. Обстоятельства встречи вполне благоприятствовали беседе, в комнате стояла приятная полутьма и прохлада; цветы на раскрытом настежь окне, не пропуская с улицы пыли, в то же время заслоняли от глаз древний Тауэр, и дамы были не прочь поболтать и поблагодарушествовать за чайным столом, чему немало способствовали такие соблазнительные вещи, как сливочное масло, мягкие булочки, креветки и кресс-салат.

Вполне естественно, что в такой компании и в такой обстановке разговор зашел о склонности мужчин тиранствовать над слабым полом и о вытекающей отсюда необходимости для слабого пола оказывать отпор их тиранству и отстаивать свои права и свое достоинство. Это было, естественно, по следующим четырем причинам: во-первых, миссис Квилп, как женщину молодую и явно изнывающую под пятой супруга, следовало подстрекнуть к бунту; во-вторых, родительница миссис Квилп была известна строптивостью нрава (качеством весьма похвальным) и стремлением всячески противодействовать мужскому самовластию; в-третьих, каждой гостье хотелось выказать свое превосходство в этом смысле перед всеми другими существами одного с нею пола; и, в-четвертых, привыкнув сплетничать друг про дружку с глазу на глаз, дамы не могли предаваться этому занятию в тесном приятельском кружке, и, следовательно, им ничего не оставалось, как ополчиться на общего врага.

Учтя все это, одна из присутствующих — дебелая матрона — первая открыла обмен мнениями, осведомившись с весьма озабоченным и участливым видом, как себя чувствует мистер Квилп, на что матушка жены мистера Квилпа отрезала:

— Прекрасно! А что ему сделается? Худой траве все впрок!

Дамы дружно вздохнули, сокрушенно покачали головой и так посмотрели на миссис Квилп, словно перед ними сидела мученица.

— Ах! — воскликнула все та же дебелия матрона. — Хоть бы вы ей что-нибудь присоветовали, миссис Джинивин! (Следует отметить, что в девичестве миссис Квилп была мисс Джинивин.) Ведь все зависит от того, как женщина себя поставит. Впрочем, что зря говорить, сударыня! Вам это лучше всех известно.

— Еще бы не известно! — ответила миссис Джинивин. — Да если б мой покойный муж, а ее дражайший родитель, осмелился сказать *мне* хоть одно непочтительное слово, я бы... — И почтенная старушка с яростью свернула шейку кровати, видимо заменяя недосказанное этим красноречивым действием. В таком смысле оно и было понято, и ее собеседница не замедлила подхватить с величайшим воодушевлением:

— Мы с вами будто сговорились, сударыня! Я бы сама сделала то же самое!

— Да вам-то какая нужда! — сказала миссис Джинивин. — Вы можете обойтись и без этого. Я, слава богу, тоже обходилась.

— Достоинство свое надо блюсти, тогда и нужды такой не будет, — провозгласила дебелия матрона.

— Слышишь, Бетси? — наставительным тоном обратилась к дочери миссис Джинивин. — Сколько раз я твердила тебе то же самое, заклинала тебя, чуть ли не на колени перед тобой становилась!

Бедная миссис Квилп, беспомощно взиравшая на сочувственные лица гостей, вспыхнула, улыбнулась и недоверчиво покачала головой. Это немедленно послужило сигналом ко всеобщему возмущению. Начавшись с невнятного бормотанья, оно мало-помалу перешло в крик, причем все кричали хором, уверяя миссис Квилп, что, будучи женщиной молодой, она не имеет права спорить с теми, кто умудрен опытом; что нехорошо пренебрегать советами людей, пекущихся только о ее благе; что такое поведение граничит с черной неблагодарностью; что вольно ей не уважать самое себя, но пусть подумает о других женщинах; что, если она откажется уважать других женщин,

настанет время, когда другие женщины откажутся уважать ее, о чем ей придется очень и очень пожалеть. Облегчив таким образом душу, дамы с новыми силами набросились на крепкий чай, мягкие булочки, сливочное масло, креветки и кресс-салат и заявили, что от расстройства чувств им просто кусок в горло не идет.

— Это все одни разговоры, — простодушно сказала миссис Квилп, — а случись мне завтра умереть, Квилп женится на ком захочет, и ни одна женщина ему не откажет — вот не откажет и не откажет!

Ее слова были встречены негодующими возгласами. Женится на ком захочет! Посмел бы он только присвататься к кому-нибудь из них! Посмел бы только заикнуться об этом! Одна дама (вдова) твердо заявила, что она зарезала бы его, если б он решился хоть намекнуть ей о своих намерениях.

— Ну и хорошо, — сказала миссис Квилп, покачивая головой, — а все-таки это одни разговоры, и я знаю, прекрасно знаю: Квилп такой, что стоит только ему захотеть, и ни одна из вас перед ним не устоит, даже самая красивая, если она будет свободна, а я умру, и он начнет за ней ухаживать. Вот!

Дамы горделиво вскинули головы, точно говоря: «Вы, конечно, имеете в виду меня. Ну что ж, пусть попробует — посмотрим!» И тем не менее все они по какой-то им одним ведомой причине взъелись на вдову и стали шептаться, каждая на ухо своей соседке: пусть, дескать, эта вдова не воображает, будто намек относится к ней! Подумайте, какая вертихвостка!

— Это все правда, — продолжала миссис Квилп. — Спросите хоть маму. Она сама так говорила до того, как мы поженились. Ведь говорили, мама?

Такой вопрос поставил почтенную старушку в весьма затруднительное положение, ибо в свое время она немало потрудилась, чтобы ее дочка стала миссис Квилп; кроме того, ей не хотелось ронять честь семьи, внушая посторонним мысль, будто бы у них в доме обрадовались жениху, на которого никто больше не позарился. С другой стороны, преувеличивать неотразимость зятя тоже не следовало, так как это умалило бы самую идею бунта, которой она отдавала все свои силы. Раз-

дираемая такими противоречивыми соображениями, миссис Джинивин признала за Квилпом умение подольститься, но в праве властвовать над кем-либо отказала ему наотрез и, весьма кстати ввернув комплимент дебелой матроне, обратила беседу на прежнюю тему.

— Миссис Джордж так права, так права! — воскликнула она. — Если бы только женщины умели блюсти свое достоинство! Но в том-то и беда, что Бетси этого совершенно не умеет!

— Допустить, чтобы мужчина так мною помыкал, как Квилп ею помыкает! — подхватила миссис Джордж. — Трепетать перед мужчиной, как она перед ним трепещет! Да я... да я лучше руки бы на себя наложила, а в письме написала бы, что это он меня уморил.

Все громогласно одобрили ее слова, после чего заговорила другая дама, с улицы Майнорис.

— Что ж, может быть, мистер Квилп и очень приятный мужчина, — начала она. — Да какие тут могут быть споры, когда сама миссис Квилп так говорит и миссис Джинивин так говорит, — ведь им-то лучше знать. Но... будь он покрасивее да помоложе, ему еще можно было бы найти оправдание. Супруга же его молода, красива, и к тому же она женщина, а этим все сказано!

Последнее замечание, произнесенное с необычайным подъемом, исторгло сочувственный отклик из уст слушательниц, и, подбодренная этим, дама с улицы Майнорис заявила далее, что если такой муж грубиян и плохо обращается с такой женой, то...

— Да какое там «если»! — Матушка миссис Квилп поставила чашку на стол и стряхнула с колен крошки, видимо готовясь сообщить нечто весьма важное. — Да какое там «если», когда второго такого тирана свет не видывал! Она сама не своя стала, дрожит от каждого его взгляда, от каждого его слова, пикнуть при нем не смеет! Он ее насмерть запугал!

Несмотря на то, что наши чаевницы были немало слышаны об этом обстоятельстве и уже год судили и рядили о нем за чаепитиями во всех соседних домах, стоило им только услышать официальное сообщение миссис Джинивин, как все

они затараторили разом, стараясь перешеголять одна другую в пылкости чувств и красноречии. Людям рта не зажмешь, провозгласила миссис Джордж, и люди не раз твердили ей обо всем этом, да вот и присутствующая здесь миссис Саймонс сама ей это рассказывала раз двадцать, на что она всякий раз неизменно отвечала: «Нет, Генриетта Саймонс, пока я не увижу этого собственными глазами и не услышу собственными ушами, не поверю, ни за что не поверю». Миссис Саймонс подтвердила свидетельство миссис Джордж и подкрепила его собственными, столь же неопровержимыми показаниями. Дама с улицы Майнорис поведала обществу, какому курсу лечения она подвергла своего мужа, который спустя месяц после свадьбы обнаружил повадки тигра, но был укрощен и превратился в совершеннейшего ягненка. Другая соседка тоже рассказала о своей борьбе, завершившейся полной победой после того, как она водворила в дом матушку и двух теток и проплакала шесть недель подряд, не осушая глаз ни днем, ни ночью. Третья, не найдя в общем гаме более подходящей слушательницы, надела на молодую незамужнюю женщину, оказавшуюся среди гостей, и стала заклинять ее ради ее же собственного душевного покоя и счастья принять все это к сведению и, почерпнув урок из безволия миссис Квилп, посвятить себя отныне усмирению и укрощению мятежного духа мужчин. Шум за столом достиг предела, дамы старались перекричать одна другую, как вдруг миссис Джинивин побледнела и стала исподтишка грозить гостям пальцем, призывая их к молчанию. Тогда и только тогда они заметили в комнате причину и виновника всего этого волнения — самого Дэниела Квилпа, который пристально взирал на них и с величайшей сосредоточенностью слушал их разговоры.

— Продолжайте, сударыни, продолжайте! — сказал Дэниел. — Миссис Квилп, уж вы бы, кстати, пригласили дам отужинать, подали бы им омаров да еще чего-нибудь, что полетче и повкуснее.

— Я... я не звала их к чаю, Квилп, — пролепетала его жена. — Это получилось совершенно случайно.

— Тем лучше, миссис Квилп. Что может быть приятнее таких случайных вечеринок! — продолжал карлик, яростно по-

тирая руки, словно он задался целью скатать из покрывавшей их грязи пули для духового ружья. — Как! Неужели вы уходите, сударыни? Неужели вы уходите?

Его очаровательные противницы только вскинули головки и принялись спешно разыскивать свои чепцы и шали, а словесную перепалку с ним предоставили миссис Джинивин, которая, очутившись в роли поборницы женских прав, сделала слабую попытку постоять за себя.

— А что ж тут такого, Квилп? — огрызнулась она. — Вот возьмут и останутся к ужину, если моя дочь захочет их пригласить!

— Разумеется! — воскликнул Дэниел. — Что ж тут такого — возьмут и останутся!

— Уж будто и поужинать людям нельзя! Что же в этом неприличного или зазорного? — продолжала миссис Джинивин.

— Решительно ничего, — ответил карлик. — Откуда у вас такие мысли? А уж для здоровья как хорошо! Особенно если обойтись без салата из омаров и без креветок, которые, как я слышал, вызывают засорение желудка.

— Вы, разумеется, не захотите, чтобы с вашей женой приключилась такая болезнь или какая-нибудь другая неприятность? — не унималась миссис Джинивин.

— Да ни за какие блага в мире! — воскликнул карлик и ухмыльнулся. — Даже если мне посулят такое благо, как двадцать тещ. А я был бы так счастлив с ними!

— Да, мистер Квилп! Моя дочь приходится вам супругой, — продолжала старушка с язвительным смешком, который должен был подчеркнуть, что карлику полезно лишний раз напомнить об этом обстоятельстве. — Она приходится вам законной супругой!

— Справедливо! Совершенно справедливо! — согласился он.

— И надеюсь, Квилп, она вправе поступать по собственному усмотрению, — продолжала миссис Джинивин, дрожа всем телом не то от гнева, не то от затаенного страха перед своим зловредным зятем.

— Я тоже надеюсь, — ответил он. — Да разве вы сами этого не знаете? Так-таки и не знаете, миссис Джинивин?

— Знаю, Квилп, и она воспользовалась бы своим правом, если бы придерживалась моих взглядов.

— Почему же, голубушка, вы не придерживаетесь взглядов вашей матушки? — сказал карлик, круто поворачиваясь к жене. — Почему, голубушка, вы не берете с нее примера? Ведь она служит украшением своего пола, — ваш батюшка, наверно, не уставал твердить это изо дня в день всю свою жизнь!

— Ее отец был счастливейшим человеком, Квилп, и один стоил двадцати тысяч некоторых других, — сказала миссис Джинивин, — двадцати миллионов тысяч!

— А я его не знал! Какая жалость! — воскликнул карлик. — Но если он *был* счастливецом, то что же сказать о нем теперь! Вот кому повезло! Зато при жизни он, надо думать, очень мутился?

Старушка открыла рот, но тем дело и ограничилось. Квилп продолжал, так же злобно сверкая глазами и тем же издевательски-вежливым тоном:

— Вам нездоровится, миссис Джинивин. Вы, должно быть, переутомились — болтаете много, я же знаю вашу слабость. В постель ложитесь, в постель! Прошу вас!

— Я лягу, когда сочту нужным, Квилп, и ни минутой раньше.

— Вот сейчас и ложитесь. Будьте так добры, ложитесь! — сказал карлик.

Старушка смерила его гневным взглядом, но отступила и, пятясь все дальше и дальше, очутилась наконец за дверь, мгновенно закрытой на щеколду, вместе с гостями, запрудившими всю лестницу.

Оставшись наедине с женой, которая сидела в углу, дрожа всем телом и не поднимая глаз от пола, карлик стал в нескольких шагах от нее, сложил руки на груди и молча уставился ей в лицо.

— Сладость души моей! — воскликнул он наконец и громко причмокнул, точно эти слова относились не к жене, а к какому-то лакомству. — Прелестное создание! Очаровательница!

Миссис Квилп всхлипнула, зная по опыту, что комплименты ее милейшего супруга не менее страшны, чем самые ярые угрозы.

— Она... она такое сокровище! — с дьявольской ухмылкой продолжал карлик. — Она бриллиант, рубин, жемчужина! Она золоченый ларчик, усыпанный драгоценными камнями! Как я люблю ее!

Несчастная женщина затрепетала всем телом и, обратив к нему умоляющий взгляд, тотчас же опустила глаза долу и заплакала.

— Но больше всего, — снова заговорил карлик, приближаясь к жене вприпрыжку, что окончательно придало этому кривоногому уроду сходство с разыгравшимся бесом, — больше всего мне мила в ней кротость характера, безропотная покорность и то, что у нее такая матушка, которая всюду сует свой нос.

Вложив в эти последние слова всю ту язвительную злобу, на какую был способен только он и больше никто, мистер Квилп широко расставил ноги, уперся руками в колени и начал медленно, медленно нагибаться и наконец, склонив голову набок, заглянул снизу в опущенные глаза жены.

— Миссис Квилп?

— Да, Квилп.

— Я вам нравлюсь? Ах, если бы мне еще бакенбарды! Был бы я первым красавцем в мире? Впрочем, я хорош и без них! Покоритель женских сердец, да и только! Правда, миссис Квилп?

Миссис Квилп с должным смирением ответила: «Да, Квилп». Словно околдованная, она не сводила испуганного взгляда с карлика, а он корчил ей такие гримасы, какие могут присниться лишь в страшном сне. Эта комедия, затянувшаяся довольно надолго, проходила в полном молчании, и его нарушали только сдавленные крики несчастной женщины, когда карлик неожиданным прыжком заставлял ее в ужасе откидываться на спинку стула.

Но вот Квилп фыркнул.

— Миссис Квилп, — сказал он наконец.

— Да, Квилп, — покорно отозвалась она.

Вместо того чтобы продолжать, Квилп снова сложил руки на груди и устремил на жену еще более свирепый взгляд, а она, все так же потупившись, смотрела себе под ноги.

— Миссис Квилп.

— Да, Квилп.

— Если вы вздумаете еще хоть раз в жизни слушать вздор, какой несут эти ведьмы, я вас укушу.

Сопроводив для пушей убедительности свою лаконическую угрозу злобным рычанием, мистер Квилп приказал жене убрать со стола и принести ему рому. Когда же этот напиток был поставлен перед ним в объемистой фляге, вероятно извлеченной в свое время из недр какого-нибудь корабельного рундука, он потребовал холодной воды и коробку сигар, незамедлительно получил все это и, усевшись в кресло, откинулся своей огромной головой на его спинку, а ноги задрал на стол.

— Ну-с, миссис Квилп, — сказал он, — мне вдруг припала охота покурить, и я, вероятно, буду дымить всю ночь. Но вы извольте оставаться на своем месте, так как ваши услуги могут потребоваться.

Жена ответила ему своим неизменным «да, Квилп», а ее коротконогий повелитель закурил первую сигару и приготовил себе первый стакан грога. Солнце зашло, на небе выглянули звезды; Тауэр сменил свой обычный цвет на серый, из серого стал черным; в комнате совсем стемнело; кончик сигары зардел угольком, а мистер Квилп все курил, все потягивал грог, не меняя позы, устремив отсутствующий взгляд в окно и показывая зубы в собачьем оскале, переходившем в ликующую улыбку всякий раз, как миссис Квилп, изнемогая от усталости, начинала ерзать на стуле.

ГЛАВА V

Спал ли Квилп урывками, по несколько коротких минут, не смыкал ли глаз всю ночь — неизвестно, во всяком случае, сигары у него не потухали, и он прикуривал их одна о другую, обходясь без свечки. Даже башенные куранты, отбивавшие час за часом, не вызывали в нем сонливости, а наоборот — побуждали к бодрствованию, о чем можно было судить хотя бы по тому, что, прислушиваясь к их бою, отмечавшему течение ночи, он негромко хихикал и поводил плечами, точно